

УДК 378.4(477.54) (093.3)

ВОСПОМИНАНИЯ О ХАРЬКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПРОФЕССОРА ЛЮДВИГА ЯКОБА

Людвиг Якоб (Людвиг Кондратьевич, Ludwig Heinrich von Jakob) (26.02.1759, г. Веттин Магдебургского герцогства в Пруссии – 22.07.1827, Бад-Лаухштедт близ Галле) – философ, экономист, юрист.

В 1777 г. по окончании Магдебургской гимназии поступил в Галльский университет, где в 1785 г. защитил диссертацию «De allegoria Homerica» на степень доктора философии, в 1787 г. был избран экстраординарным, а в 1791 г. – ординарным профессором. В 1794 – 1797 гг. был ректором университета, в 1801 – 1804 гг. – проректор университета. В течение 20 лет издал 35 работ в области философии, богословия, психологии. Его труды «О бессмертии души» и «Сущность Бога» были удостоены наивысших наград Лейденского и Гаарлемского научных обществ.

После того, как в 1806 г. декретом Наполеона Галльский университет был закрыт, выразил согласие перейти на российскую службу. С 1 марта 1807 г. был назначен профессором дипломатики и политической экономии Харьковского университета. В 1808 – 1811 гг. одновременно преподавал немецкий язык. Исполнял обязанности инспектора студентов. Произнесенная им в Харькове во время торжественного акта речь «О влиянии университетов на культуру и благосостояние народа» / «Ueber den Einfluss der Universitäten auf die Cultur und den Wohlstand eines Volkes» (отд. изд. Харьков, 1808) содержит множество мыслей перекликающихся
© С. И. Посохов, 2014

с ключевыми идеями немецких неогуманистов, обосновавших в 1800-е гг. представление о немецком «классическом» университете, его цели, задачах и общественной роли (И. Канта, Ф. Шлейермахера, В. фон Гумбольдта). С большой долей вероятности эту речь можно отнести к первым проявлениям неогуманизма на российской почве¹. Он составил «Прибавление к правилам для казеннокоштных студентов» на лат. яз. (1809 г.), а также ряд пособий для гимназий и университетов по логике, грамматике, психологии, риторике, эстетике, праву, политической экономии. По поручению Главного правления училищ в 1808 – 1811 гг. подготовил курс философии для гимназий. Переведенный на русский язык этот труд получил широкое распространение в России, а его автор был представлен к ордену Св. Владимира. Опубликовал работы «Grundsätze der Policeygesetzgebung und der Policeyanstalten» («Основы полицейского законодательства и полицейских учреждений») (1809 г.) и «Über die Arbeit leibeigener und freien Bauern in Beziehung und die Nutzen des Landeigentümlich in Russland» («О сравнительной выгодности крепостного права и вольнонаемного труда») (1814 г.), в которых выступал против крепостного права. Был награжден большой золотой медалью Вольного экономического общества. Мировоззрение Л. Якоба сформировалось под влиянием учения А. Смита и философии Канта, идеи которых он пропагандировал во время своей преподавательской деятельности.

В 1809 г. как автор рассуждений о состоянии ассигнаций был от имени императора Александра I приглашен государственным секретарем М. М. Сперанским в Петербург для участия в совещании. За успешное выполнение возложенных на него поручений в январе 1810 г. был пожалован орденом Св. Анны II ст. и перстнем. По распоряжению императора остался в Петербурге и был назначен в комиссию по составлению законов в Министерстве финансов, где занимался подготовкой проекта уголовного уложения. С 1811 г. – коллежский советник, с 1816 г. – статский советник. В 1810 г. избран членом-корреспондентом Петербургской АН, в 1811 г. – почетным членом Харьковского университета.

¹ См. Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: антология (сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов). М., 2011. Для данного издания был выполнен новый перевод текста, который публикуется полностью, за исключением риторического окончания речи, по традиции посвященного восхвалению царствующего монарха.

В 1816 г., после отстранения М. М. Сперанского от дел, покинул Россию и вернулся на должность профессора политической экономии в университете Галле, вновь избирался проректором университета.

«Воспоминания из моей жизни» были написаны проф. Якобом после его возвращения на родину и впервые изданы в Германии в 2011 г. издательством университета Галле². Рукопись к изданию была подготовлена Х.-И. Керчером и М. Мехловым. Приводимый ниже текст печатается с любезного разрешения проф. Керчера.

Ниже приводится часть воспоминаний, в которой автор преимущественно характеризует профессоров университета. Подготовка текста к публикации (предисловие, комментарии) осуществлялась С.И. Посоховым, перевод текста на русский язык осуществила группа студентов факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (Д.С. Бережная, В.А. Гашенко, В.В. Довгаль, Е.В. Кравченко, В.Н. Лысенко, А.М. Моторыкин, А.Ю. Рябуха, Я.В. Сердюкова), редактирование текста – С.А. Чухлий. Надеемся, что в следующих выпусках сборника продолжится публикация данных воспоминаний.

Описание университета и отношений между профессорами

Благодаря реформе, которая была проведена в 1803 году в России, российские университеты получили уникальные в своем роде полномочия. Они стали являть собой самостоятельные институции, которые не только являются независимыми от власти, но и влияют на весь процесс преподавания. Их руководители (ректоры) имеют такой же ранг, как и высокопоставленные чиновники. Они имеют право выбирать самостоятельно всех своих сотрудников, школьных учителей и даже директоров школ, а также утверждать все административные должности в школах и университетах и распорядиться всеми фондами. Лишь кандидатуры на должность ректора и директора школы должны быть утверждены министром образования, все остальные назначаются университетами.

В каждом университете есть свой куратор, он же является посредником между университетом и министром, а министр

---

² Ludwig Heinrich v. Jacob. Denkwürdigkeiten aus meinem Leben / Herausgeben von Hans-Joachim Kertscher in Zusammenarbeit mit Michael Mehlow. – Halle-Wittenberg, Universitätsverlag, 2011.

руководит ими. Куратор не должен вмешиваться в систему избрания кандидатур на должности в университетах, так же как и министр образования.

Эта политическая важность российских университетов, которой они хотели добиться, является именно тем яблоком раздора, которое служит причиной разногласий и ссор между преподавателями. Каждый год выбирается новый ректор и деканы. Так как кандидатами являются примерно 20-30 профессоров, среди которых есть интриганы и тщеславные люди, эти выборы редко проходят без интриг и раздоров, что приводит к враждебности. Если профессор хочет получить награду, то адъюнкт¹ хочет стать профессором, получить повышение с должности внештатного профессора до возглавляющего кафедру, он пытается найти союзников среди профессоров; жёны, дочери, горничные, прислуга – в ход идут все, и это всё делается для того, чтобы достичь своей цели. В случае если документация такого кандидата попадает на повестку дня совета [университета], начинается соревнование сторон союзников. Раздор и ссоры между сторонами, враждебное поведение по отношению к каждому добропорядочному кандидату, который хочет дать свою независимую оценку происходящему, являются неизбежными последствиями этих отношений. Даже самая маленькая и незначительная проблема редко решается без ссор. Такой Устав может разрушить внутреннее спокойствие учреждения, даже если оно полностью состоит из добропорядочных людей. В том случае, если в такую команду попадают интриганы, то даже самые порядочные люди могут быть увлечены этой интригой или их даже могут заставить принимать участие в ней, если они того не хотят, чтобы в дальнейшем на них оказывали давление. Ни один университет в России не обходится без скандальных интриг и ссор. В Москве ситуация внешне всегда выглядит более-менее спокойной. В Казани в 1807 году жил некий русский по фамилии Якоблев (Jakoblew)², который заполучил доверие куратора и держал всех в ежовых рукавицах. Пять профессоров, которые имели неосторожность выразить свои справедливые и скромные представления о злоупотреблениях и о несправедливости власти, были уволены министром образования без суда и следствия. В Дерпте огонь раздора разгорелся всеми красками. И разнообразные жалобы на местные перебранки не могли обернуться ни чем

другим, кроме как презрением со стороны министра образования. Особенно скандальных оборотов обрело дело господина Хорна (Horn)³, профессора теологии, который проделывал нелепые выходы со своими коллегами и дело дошло до того, что ему приказали освободить свою должность самостоятельно, если он не хочет быть уволен.

Впрочем, может быть, всё происходящее в Дерпте не было столь неприятным, как это было в Харькове. Сотрудники представляли собой смесь из различных людей, говорящих на разных языках, имеющих разное происхождение, почитающих разные обычаи и обладающие разным уровнем знаний⁴. Очень мало из них имели представление о том, что такое университет или чем он должен являться; многие были полными неучами и совершенно не обладали никакими базовыми знаниями; другие отличались плохим поведением, пьянством и грубостью, эти люди не имели никаких планов и были подобраны совершенно непродуманно. Я хотел бы рассказать вкратце о том, что я там увидел.

Куратором был граф Северин Потоцкий⁵, младший брат писателя Яна Потоцкого⁶. Граф имел образование, каким обычно обладали самые знатные поляки; то есть он хорошо разговаривал на французском, средне владел немецким, понимал латынь, был начитанным и повидал мир. Но у него не было ни малейшего представления о том, как должен быть устроен университет или школа. Однажды я с ним беседовал о гимназиях, и он мне жаловался на то, что дела в них так же прискорбны, как и во всех остальных учреждениях, я же позволил себе сделать ему замечание, что лучше бы выбирали директоров гимназий другим способом, поскольку нынешние директора – это благородные по происхождению люди, которые не имеют представления о том, как должна быть обустроена система школьного образования. На это он мне ответил следующее: «Вы правы, я очень часто об этом говорил. Эти должности директоров являются очень престижными; их следовало бы отдавать полковникам или генералам». Этот ответ достаточно приоткрыл мне глаза на текущую ситуацию, и я умолк. В условиях такого невежества для университета было, пожалуй, лучше, что куратор был невероятно медлительным и инертным человеком. Всё, что выводило его из равновесия и требовало от него какого-либо участия, было ему неприятным, в таком случае он всё

пускал на самотёк; и когда он был в Харькове, что происходило 1-2 раза в году, и то лишь из-за того, что он ехал в Санкт-Петербург продавать товары знатым людям. Таким образом, его основное занятие заключалось в том, что утром он пировал со знатью, днём он стрелял беспризорных собак, а по вечерам он выходил на так называемую «охоту на женщин и девушек». В основном этот граф был высокомерным, грубым, своенравным, упрямым и не понимал, как можно связать свою жизнь с каким-либо делом или человеком. Если вдруг он находился в Харькове и в его приёмной появлялись дворяне или профессора, он заставлял людей часами его ждать, и когда наконец выходил к ним в домашнем халате, сонно общался с гостями. Нельзя было считаться сотрудником университета не получив свою долю нотаций от графа Потоцкого, даже не заслуживая их. Профессору латыни и греческого языка⁷ он сказал: «Боже мой! Этот надоедливый латинский язык! Зачем его учить! Нашим студентам он не нужен, а наши дворяне не хотят его учить». В другом случае, он сказал профессору истории⁸: «Зачем нужна история? Всё это ложь». Со мной же он был очень вежлив, я даже считался одним из его фаворитов, потому что обычно он приглашал меня за стол, когда трапезничал дома и консультировался со мной на счёт некоторых вещей. Но всё же я не могу упустить такой шанс описать этого человека, который заслуживает того, чтобы его имя было упомянуто в истории. Место профессора римской литературы и эстетики было свободным. Поскольку в Харькове не было такого человека, который смог бы занять такое место и, кроме того, не было такого профессора, который бы проявил к этому интерес; в этом случае сказало отсутствие союзников у тех профессоров, которые были бы достойны занять это место. В качестве возможных кандидатур назывались лишь известные имена: Шютца (Schütz), Вольфа (Wolf), Айхштаедта (Eichstaedt) и т.д. Господин Вольф⁹ даже формально был избран на это место и утверждён. Он поддержал эту идею, чтобы воспользоваться ею в Берлине при какой-либо более серьёзной возможности. Этим предложением от России он мог воспользоваться, чтобы получить для себя самые лучшие условия в Берлине. Наконец-то после того, как он добился своего, он написал в Харьковский университет, что отказывается от должности и несколько иронично предложил кандидатуру господина Тимковского¹⁰, который был студентом в Москве

и некоторое время был его учеником. Верховный Советник Гофрад Айхштаedt, к которому обратились через господина Шада¹¹, даже не скрывал того, что был оскорблен, поэтому написал в обращении, что Харьковский университет не знает всех обстоятельств, и было бы лучше, если бы эти вакантные места были бы кем-то заняты и при этом выбор был ограничен учёными, которые располагали бы их к себе и соответствовали своей репутации. Мало харьковчан поняли этот намёк, и потому среди кандидатов всё ещё появлялись подобные имена; я абсолютно серьёзно предложил позвать тайного советника Гейне (Heyne)¹² из Геттингена, и хотя русские сочли моё предложение очень убедительным, немецкие профессора всё же поняли, что я хотел этим сказать. Почти два года длились переговоры, бесполезность которых должен был предвидеть каждый, кто имел какое-либо отношение к этому или понимание этого дела. Я ничего не комментировал по поводу всех этих распоряжений до определенного времени. Так как ранее приобретённый опыт полностью убедил переговорщиков в том, что они лишь теряют время, когда такими скудными средствами они помогали университету гоняться за известными именами. Таким образом я наконец взял инициативу в свои руки и написал заявление в Сенат. Я дал понять, что убеждён в том, что Харьковский университет не имел бы никакого положительного результата, если бы получилось ангажировать одного из известных учёных, с которыми они до этого вели переговоры, поскольку эти учёные не имели опыта проведения вводных курсов, в которых так нуждались харьковские студенты, и их уроки были бы полезны только тем студентам, которые уже изучали древние языки в своих школах и пришли в университет, чтобы изучать критику и высшие филологические науки и т.д. Я был убеждён в том, что Харьковскому университету нужен такой профессор, который бы не пожалел себя и погрузился полностью во вводный предмет, который имел бы опыт общения со студентами и мог бы исправлять ошибки, которые допускаются во время упражнений по стилистике. В итоге я предложил на эту должность господина Рата (Rath)¹³ из городе Галле, который в то время был заместителем директора городской гимназии и одновременно моим зятем, и был известен своим методом преподавания и глубоким знанием языков. Я также гарантировал, что этот человек, если университет позовёт его на эту должность, с радостью примет это

предложение, поскольку я знаю его заинтересованность в этом деле, и университету не стоит терять драгоценное время в поисках профессоров. В этот раз я убедил всех в том, что это предложение является единственно верным и все единогласно проголосовали за господина Рата.

Рат был моим старым другом, об этом можно было догадаться из предыдущих строк. Он заявил о своём желании поехать со мной в Россию после того, как мы с ним попрощались в Галле. И он не изменил своё решение даже после того, как я описал ему всю ситуацию в Харькове, потому что он думал, что сможет заниматься наукой в Харькове без трудностей. Я не отказал ему в его желании и был очень рад сообщить ему новость о том, что у него будет такая возможность. В скором времени я получил от него письмо, в котором он выражал радость и давал гарантии университету, что приступит к своим обязанностям, как только получит соответствующее приглашение. Запрос куратору о подтверждении выбора должен был быть передан в кратчайшие сроки, поскольку университет сделал запрос о скорейшем завершении этого дела, университет с каждым днем все более ярко ощущал потребность в уроках латыни, но на этот запрос не последовало ответа. После того, как запрос не был подан в назначенное время, университет подождал ещё немного и сделал повторный запрос. Я также написал графу и попросил его о скорейшем принятии решения, потому что моему другу ещё надо было подготовиться к такой долгой поездке. Но и на это не последовало ответа. Граф был в длительной поездке из Киева в Одессу и, возвращаясь обратно, наконец-то заехал в Харьков. После того как я впервые пришел к нему в гости, мы общались на самые разные темы, я заговорил с ним о господине Рате и спросил его высокопревосходительство о том, принял ли он решение касающееся университета. Он разговаривал со мной конфиденциально так, как он это делал обычно. Я всегда придерживался уважительного тона и осознавал, что этот вопрос должен был быть решен без нажима и всякой назойливости. Он же скривился и спросил меня недовольным тоном: «Не могли бы вы подождать с этим вопросом ещё парочку дней». Я ответил ему, что сожалею о том, что мне пришлось сделать ему замечание касательно этого вопроса. Я не мог отрицать, что меня интересовала дальнейшая судьба моего друга, и я бы хотел ему давно сообщить, может ли он начинать готовиться к поездке или

нет, поскольку состояние неопределённости должно было быть для него мучительным. Это беспокойство о моём друге заставило меня не упустить шанс узнать, какое же решение принял граф.

Не вслушиваясь сильно в то, что я ему говорил, граф продолжил говорить в том же духе: «Я не стану утверждать его кандидатуру; не стану. Вам стоило еще подождать, мне не нужен вице-куратор».

У меня было чувство, будто я упал с небес на землю, я совершенно не знал, что мне делать с этим ответом. Потом мне стало понятнее, и я сказал: «Мне никогда не приходило на ум во что-либо вмешиваться, что могло бы касаться назначения на должности и задеть гордость куратора». С его слов я заподозрил, что он опирался на неизвестные мне факты и чужую точку зрения. Предложив кандидатуру господина Рата университету, я лишь исполнял свои обязанности и думал, что делаю для университета благое дело, ибо господин Рат был учёным, специализирующимся на классике латинского языка и имел большой опыт преподавания в этой области, он бы смог начать семинар для школьных учителей и преподавать методику преподавания в школах и это бы только послужило ему выгодой, и университет взял бы его на работу. Я должен был признаться в том, что господин Рат являлся моим старым другом, и я был бы очень рад, если бы он смог сюда переехать. От такой моей оценки веяло zaangażированностью. Но поскольку этот учёный известен во всех немецких университетах, его произведения читал господин Баллу (Ballu)¹⁴ и считал, что они достаточно хороши, и я не думал, что моя дружба с этим человеком могла как-то повлиять в данной ситуации, то, в итоге, я предложил эту достойную кандидатуру на место профессора латинского языка. Кроме того, я считал, что куратору должна нравиться идея о том, что преподаватели университета объединены и в то же время являются друзьями. Я закончил тем, что мне было неприятно заметить, что моё вмешательство в дела моего друга повлияло скорее плохо на данную ситуацию, и попросил его абстрагироваться от того, что я знаю этого человека, при решении данного вопроса.

[,]³ Вы не знакомы со мной, друг мой, [,] продолжил он мягким, но всё ещё рассерженным тоном. [,] И вообще, Вы совершенно ничего не должны мнить о себе, будь Вы хоть немецкий профессор. Здесь, в России, профессора ничего не значат, совсем ничего [!],

³ Здесь и далее в квадратных скобках сохранены знаки препинания, которые были обозначены в немецком издании.

университет – это ерунда, которую можно уничтожить одним росчерком пера, и когда профессора хотят корчить из себя важных персон, выгоняешь их без церемоний, как, например, в Казани. Я не одобряю такой порядок действий, но отсюда Вы можете увидеть, как бывает. [„] Я был в высшей степени уязвлен этой речью, которую я совсем не понимал, и это послужило причиной моего ответа, голосом непоколебимым и решительным: [„] на самом деле я не понимаю, что подтолкнуло Ваше Превосходительство к мысли поучать меня при таких обстоятельствах. Я должен признаться: то, что Вы хотите мне сказать, является для меня новым, новым совершенно. Я полагал, и все иностранцы придерживаются того мнения, что указы, которые были изданы Его Величеством, нашим всемилостивейшим императором, соответствуют правде. В соответствии с этим, эрудиция и ученые весьма значимы, а университеты имеют высокое звание всеобщих институтов империи. Я сюда приехал, полагаясь на эти указы. Поскольку Ваше Превосходительство заверяет меня, что профессор в России не должен ожидать ни уважения, ни привилегий, так что мне ничего не остается как отречься от такой унижительной должности и, следовательно, Вы разрешите мне лично обратиться к Его Величеству, а также изложить Его Величеству причины, которые побудили меня снова покинуть Россию так скоро. [„]

[„] Ого, [„] сказал он, [„] Вы мне угрожаете? Поверьте мне, с горячей головой ничего не добьешься. Я ценю учёных и ценю также Вас. То, что я сказал, не должно Вас оскорбить. Я только хотел уберечь Вас от Ваших предрассудков. Я опытный светский человек. [„] – Так он начал снова настраивать струны, и мы спокойно разошлись. Его стремление было очевидно: заглядеть вину, поскольку он, должно быть, заметил, что зашел слишком далеко в своей последней речи, и не только задел меня, но и других, тех, кто мог бы ему причинить вред, если бы это стало предметом обсуждения.

Спустя несколько дней университет получил документ от куратора, в котором тот отказывается представить господина Рата на утверждение в качестве заведующего кафедрой, поскольку он лишь преподаватель и еще не профессор.

В глубине души я поздравил своего друга с тем, что он не приехал в Харьков, а, возможно, он этому сейчас и сам радуется, хотя и репутация пострадала и сам он тогда пострадал, особенно из – за распространяемых слухов.

Вскоре на место Рата избрали немецкого профессора, а именно профессора Роммеля¹⁵ из Марбурга.

Из вышеизложенного можно сделать достаточно точное представление о тогдашнем кураторе университета Харькова. А теперь к профессуре.

При моем прибытии в Харьков профессорами и адъюнктами были шесть россиян, один серб, один венгр, четыре француза и одиннадцать немцев. Пильгер¹⁶ и я были единственными профессорами, которые ранее преподавали в университете.

Россияне соблюдали внешние приличия очень хорошо. На ученом совете они всегда говорили холодно и обдуманно, и конфликты, которые случались, всегда начинались иностранцами. Они были следующими:

1. Тимковский. Его повысили в должности от репетитора в Санкт-Петербурге до профессора юриспруденции в Харькове. Его знания были крайне ограничены. Он немного знал об иностранном праве, и даже российские законы знал плохо. Ему совсем не хватало общих и предварительных знаний. Он никогда не доводил лекцию до конца, и то и дело был в отъезде, посещая гимназии и открывая школы, в соответствии со своим отношением к делу. В Харькове его иронично называли Министром иностранных происшествий. На самом деле он изображал из себя важную особу, особенно посещая школы. Когда он приходил, директор и учителя в униформе должны были собраться в приёмной в 10 часов, а около 12 часов давали аудиенцию, некоторые участвовали в ней в неподобающем виде и т.д. Его характер был замкнутым и коварным, подчеркнуто вежливым и насквозь фальшивым.

2. Осиповский¹⁷. Ранее он был учителем математики в каком – то пансионе в Санкт-Петербурге и заслужил свое место не только из-за превосходных трудов в сфере математики, которые он издал на русском языке, но и благодаря своим основательным лекциям. Среди российских профессоров он был, без сомнения, самым образованным и проникательным и был бы в чести у любого иностранного университета. При этом он был честным, прямым, совершенно порядочным человеком, который спокойно жил для себя, и абсолютно не принимал участия в интригах. В то же время он считался постоянным ассессором экономики, финансов и бухгалтерии университета и доказывал от обратного, что порядочный человек

может сохранить самоуважение в дьявольских обстоятельствах.

3. Шумлянский¹⁸. Профессор медицины, которую он когда-то изучал в Страсбурге, но с того времени достаточно многое забыл; в остальном – заурядный человек.

4. Рижский¹⁹. Профессор русской литературы; отрасль, в которой он развился, как добрый, вежливый, робкий мужчина, который охотно ловил рыбу в мутной воде при случае, но кроме этого никому не вредил. Он написал работу по русской риторике, которая основывалась на французских трудах.

5. Васильев²⁰. Адъюнкт прикладной математики и архитектуры. Полный невежда, которого повысил в должности от управляющего по экономике до адъюнкта господин Каразин²¹ – дворянин, который имел вес при учреждении университета императором, и многое сделал, чтобы Харьков был выбран местом для университета.

6. Крюгер (Krüger)²². Россиянин немецкого происхождения, которого ранее зачислили на работу в горную компанию в Санкт-Петербурге, потом читал минералогию в Харькове. Но он был таким горьким пьяницей, что его пришлось уволить, в конце концов.

Сербом был:

7. Стойкович (Stoikowisch)²³, профессор физики. Он учился в Гёттингене и действительно обладал знаниями, которые украшают любого учёного. Его общее образование было превосходно. Он говорил по-немецки как немец и по-русски как русский; при этом он в совершенстве владел латинским, французским и английским языками, хорошо разбирался во всех базовых знаниях философии, истории, математики и т.д. и излагал ясно и живо. Он написал двухтомную работу по физике на русском языке, которая хотя ничего нового не содержала, но общеизвестные знания изложены в надлежащем порядке, определённо и чётко. – Его речь была живой и содержательной. Я общался с ним охотнее всего, потому что всегда усваивал от него нечто и всегда он меня развлекал и поднимал настроение. Однако мораль этого мужчины не была самой строгой. Он обладал неизмеримым тщеславием и ревностнее всего стремился к званиям, почётным должностям и титулам. Должность ректора казалось высшей целью его желаний, и никакое средство не казалось ему незначительным, никакая интрига – подлой, чтобы достичь или получить это. Когда я приехал в Харьков, он руководил ректоратом. Все были им в высшей степени недовольны, и описывали мне его

как лживого, злобного эгоиста, который в то же время являлся ужасно грубым и мстительным, который был на ножах с куратором, очернял профессоров и т.д. Я никогда его не знал с такой плохой стороны. Напротив, по отношению ко мне он всегда был любезным, обходительным и дружелюбным и, следовательно, я не находил никакой причины, чтобы разделить общую ненависть к этому человеку. Это правда: его тщеславие побуждало его прибегать к подлым средствам, чтобы получить голоса. Он пообещал одному [!] профессору содействовать его целям, когда он будет ректором; другому он одалживал деньги; третьего он снабжал; четвертого он пытался привлечь подхалимством, чтобы тот агитировал за него и усиливал его партию и т.д. Поскольку он стал ректором благодаря такого рода средствам, то многие вещи из того, что он обещал, он не смог или не хотел выполнить и часто вымещал свой пыл на тех или иных и при этом не был сдержан, и нажил себе врагов; даже если он не был деликатен используя средства, чтобы завести друзей, то его враги были еще менее деликатны.

Он выказывал мне значительное доверие, а я своими идеями удерживал его от многих опрометчивых и необдуманных шагов, к которым он склонялся из-за постоянного раздражения и неприязни к своим противникам.

Когда в ноябре пришло время выборов ректора²⁴, многие бросились убеждать меня не отдавать свой голос за Стойковича. Между тем, я отклонял все то, что казалось мне неприемлемым. Я при каждом удобном случае пояснял, что считаю низким и подлым любой вид предвыборной агитации за или против кого-либо, поскольку каждый, кто имеет выбор и в достаточной мере знает его цену, может сам определить, что он должен делать. Я пообещал Стойковичу проголосовать за него, хоть он меня и не просил, однако я настолько однозначно объяснил ему, что никаким образом не буду влиять на выбор других за или против него, что он не посмел меня об этом даже просить. Выборы прошли в пользу Рижского. За Стойковича был только один голос. В следующем году пребывание Рижского на посту ректора было продлено еще на три года. Но он умер в середине этого срока, вследствие чего профессора сочли себя вынужденными, отдать эту должность Стойковичу, и он занял пост сроком на три года. Несогласия и ссоры на его счет не прекращались. Его враги зашли настолько далеко, что писали на него министру

всевозможные доносы, якобы он растрачивал казну, провозил контрабанду и так далее. В конце концов, отчасти из-за обиды, отчасти будучи вынужденным, он отказался от должности ректора, а в итоге и преподавателя, жил со своей женой, на которой женился во время этих перипетий, и жил как сквайр в поместье своей жены.

В другом университете, где штат преподавателей был бы набран из менее подлых людей, и где попечитель не плел бы интриги, Стойкович был бы более полезен. Здесь все его лучшие силы ушли на интриги и противостояние им, на нападения и защиту.

Венгром был:

8. Коритаря (Koritary)²⁵, преподаватель гомеопатии и истории медицины. Он был необразован в своей профессии и получил это место благодаря дружбе со Стойковичем. Но вскоре после своего прибытия Коритаря настолько отдалился, что между этими двумя возникла острейшая вражда и ненависть. В этой ситуации Стойкович вел себя гораздо умнее Коритаря. Я никогда не слышал, чтобы он ругал или клеветал последнего, кроме случаев, когда нападки становились совсем грубыми. Коритаря же редко когда открывал рот без того, чтобы описать своего соотечественника как самого бесчестного и низкого подлеца. Если детально разобрать обвинения, то в основном они исходили из мелочей или недоказанных сплетен. Несчастный покинул университет из-за обиды и несправедливости и стал частным врачом в богатой русской семье в Москве. Во время разрушения этого города в 1812 он не только потерял все свое имущество, но и сломал во время бегства стопу, и вследствие лечения умер от больничной лихорадки как жертва собственной работы, оставив жену и детей в крайне печальных обстоятельствах. Он хотел завести со мной дружбу, но поскольку я общался со Стойковичем, долгое время убеждал себя в нашей вражде.

Французами были:

9. Белин де Баллу (Belin de Ballu), преподаватель греческой и французской литературы, известный своим хваленым переводом Лукиана. Этот человек был не обделен знаниями и образованием, но в его учености отсутствовали как методика, так и порядок, из-за чего он мало пользы приносил университету. Он был интересным человеком и обладал всеми достоинствами и недостатками французов. К последним относилось безграничное тщеславие. Из-за этого он воображал, что знает и понимает все лучше, чем кто-либо.

Он едва ли мог связать пару слов на русском или немецком, но не преминул взять на себя роль реформатора этих языков и сделать из себя посмешище. Он довольно часто был объектом насмешек всего города. После своего прибытия, когда он едва начал учиться читать по-русски, он отправился на рынок с большим русским словарем подмышкой, чтобы купить масло, яйца, мясо и т.д. сам, и принялся бросаться словами, значения которых не понимал. Город был полон забавных историй о нем из тех времен. Однажды он решил купить десяток яиц, и крестьянка попросила за них алтын (altin - что равнялось трем копейкам). Он перепутал алтын и половину (paltin – что равнялось половине рубля) и долго спорил, что не отдаст такие деньги, и протянул ей в итоге 40 копеек, чего, по его мнению, было более чем достаточно. Продавщица опешила от странного покупателя и радостно взяла деньги. Господин Баллу ушел чрезвычайно довольный собой, думая, что совершил удачную сделку.

То, что он вполне был способен на подобные поступки, может доказать следующая история, которая произошла во время моего пребывания в Харькове.

Свинья соседа господина Баллу неоднократно пробиралась к нему в огород и разоряла капустные поля, и он просил об устранении проблемы как соседа, так и полицию. Когда свинья в очередной раз залезла к нему в огород, он схватил ее, завернул улику в свою униформу, затащил на повозку и повез через весь город собственноручно сдавать полиции. Можно вообразить, каким представлением это было для такого города, как Харьков.

Этот человек, также как и все, был страшно недоволен своим пребыванием в Харькове и считал свой вклад неоценённым и непризнанным. Когда меня позвали в Санкт-Петербург, все тамошние профессора пришли в движение и собрались уходить. Баллу также прибыл в Петербург в поисках места. Граф Потоцкий обошелся с ним крайне невежливо. Он спросил, что тому было нужно в Петербурге, ведь здесь не нужны были знатоки греческого, так что ему следовало, не распаковывая чемодан, отправляться назад в Харьков, не продлив отпуск ни на день, и т.д. Баллу натянул старую поношенную форму Национального Института²⁶, членом которого он являлся, предстал во французском посольстве и стал везде, где бы ни появлялся, громко и горестно жаловаться на неподобающее

поведение графа Потоцкого. Французский посол, чей авторитет в Петербурге в те времена был высок, по возможности поговорил с Потоцким, объяснил, что этот человек во Франции обладает значительной репутацией, и что он заслуживает внимательного и уважительного обращения. Вскоре Потоцкий сменил тон, был вежлив с господином Баллу и уступил ему все, что тот хотел. Новый куратор Петербургского округа господин Уваров²⁷ тоже с радостью принял господина Баллу во время его пребывания в Петербурге, и, поскольку у него была идея ввести уроки греческого в его институте, он предложил господину Баллу должность учителя греческого языка в Педагогическом институте²⁸ и учителя того же языка в гимназии. Обе должности приносили ему доход почти в 4000 рублей. На эти деньги он жил здесь, стесненный в расходах, но куда более довольный, чем в Харькове.

10. Де ла Вигн (De la Vigne)²⁹, преподаватель ботаники, эмигрировавший аббат, который посвятил себя медицине в Эрлангене, после того как был домашним учителем в Санкт-Петербурге и переехал в Харьков, получив место профессора. Этот человек не выделялся ни своими знаниями, ни чем либо еще.

11. Дюгур (Dugour)³⁰, профессор истории. Этот человек раньше имел книжный магазин в Париже и принимал участие в работе одного французского журнала. Высказывания в защиту Людовика XVI, которые он написал, сделали его для якобинцев таким ненавистным, что он с большим трудом избежал гильотины, убежав в Англию, где издал работу о жизни Кромвелля на французском, чтобы доказать свои политические убеждения и не вызывать подозрений. В Англии он женился на англичанке и тут же он познакомился с князем Барятинским³¹ (позже, русским посланником в Мюнхене); так он ему предложил отправиться с ним в путешествие в Россию и нашел здесь себе занятие. Когда они приехали во владения князя, которые находились недалеко от Харькова, господин Дюгур решил поехать туда, чтобы посмотреть, какие учебные заведения там есть и мог бы ли он там получить место при университете. Он познакомился с местными профессорами, понравился и показал себя образованным человеком. Вскоре его выбрали профессором истории. Многие были удивлены этому выбору, потому что и сами метили на это место. Особенно некоторые адъюнкты держали обиду, потому что из-за этого потеряли шанс занять это место, и кроме того, выборы прошли

как раз тогда, когда вокруг этого закрутилась невероятная интрига. Даже некоторые из тех профессоров, которые лично голосовали за господина Дюгура, приложили усилия, чтобы выбор не вступил в силу, в частности среди них были соотечественники господина Дюгура, - Баллу, а также Стойкович. Все поразились сами себе, что избирают совсем неизвестного человека профессором и начали задавать вопросы. Кем именно является этот Дюгур? – Было доказано, что он был принят в качестве профессора всего лишь из-за гладких речей и лести, что он очаровал их своим легким обращением с вином и так хитростью получил голоса. О нем пустили разнообразные слухи, со всех сторон он был окружен обманщиками и негодьями, которые его подстерегают и должны обращать внимание на каждый его шаг, вдруг им удастся выяснить о нем что-то крамольное.

В то время в Харькове жили двое изгнанных с их родины шведов – один шведский генерал, чье имя я забыл, и один шведский капитан Этмин (Etmin). Оба участвовали в революции против короля и были сосланы в Петербург, для того чтобы вести там переговоры по поводу получения денег и прочих вопросов. Тогда и заключил неожиданно король мир с Россией; так они стали жертвами собственного патриотического рвения, и Россия дала им пенсии и возможность жить в Харькове. У этих людей был клуб, который Дюгур, некий профессор Умлауф³² (профессор латинского языка) и многие профессора часто посещали и могли открыто общаться. Враги Дюгура узнали об этом клубе вскоре и призвали отнести его к политически опасным клубам; друг другу передавались по секрету мятежные речи, которые там якобы обсуждались. Время (это было в 1805 и 1806 годах) сделало всех подозрительными, людям повсеместно виделись предатели и шпионы. Под этот шумок и было составлено обвинение против Дюгура.

Один французский преподаватель фехтования, который, неведомо как, но попал в Харьков и выдавал себя за известного маркиза и рыцаря Людовика, ложно утверждал, что видел Дюгура на острове Вигт (Wight)³³; он рассказывал, что он его там действительно видел, и что тот наверняка принадлежал к числу шпионов Бонапарта, что он там же был задержан и в конце концов сбежал. Ходило много двусмысленных речей, которые он якобы говорил среди шведов и лично мадам Баллу убеждала, что он говорил в ее комнате: "Русская армия плохо организована и есть все шансы, что она будет разбита

Бонапартом". Что послужило неопровержимым доказательством революционных взглядов Дюгура? - Тогдашний адъюнкт профессора Ланг³⁴, которого прежде всего злило то, что Дюгур стал профессором раньше его, предоставил тут же материалы для доноса в риторической форме, но при этом умело скрыв свое имя, указав на некоего адъюнкта Кемберли (Camberle)³⁵, пропитого подлого бывшего адвоката из Львова, который записал все необходимое и от своего имени отправил куратору.

Куратор мог легко, если бы он захотел, узнать, что этот донос содержит клевету, понять и после предварительного обследования предотвратить скандал. Но осторожный поляк не хотел пострадать сам и предъявил донос императору, который вследствие приказал губернатору Харькова³⁶ тщательно расследовать это дело. К счастью, попал он в этом случае в руки одного правильного и справедливого человека, который действовал со всевозможным вниманием и пощадой. Расследование ясно показало, что донос является очевидной клеветой, что Дюгур никогда не был на острове Вайт, что он женился на своей жене в Лондоне, что, несмотря на общество шведов, следует общепринятым политическим взглядам, также были проверены все еще сомнительные выступления. Результат расследования оказался для Дюгура как нельзя более выгодным и после 8-10 месяцев последовало судебное решение: Дюгур был полностью оправдан; Кемберли как клеветник сослан в Сибирь, преподаватель фехтования изгнан, а мадам Баллу должна была получить перед университетским советом публичный выговор³⁷.

В остальном, расследование принесло семье Дюгуров достаточно страха, хлопот и горя. Бедный Дюгур на почве этого совсем поседел. Профессор Умлауф был так сильно потрясен, когда губернатор вызвал его на допрос, что он от отчаяния перерезал себе горло³⁸. Он хотел, вероятно, чтобы можно было говорить свободно. И как легко в России могут за несущественные речи отправить кого-нибудь в Сибирь, если человек попадет в плохие руки.

Граф одобрил выбор Дюгура, но не в качестве ординарного профессора, заведующего кафедрой, а в качестве внештатного профессора. Это вызывало длительное недовольство и постоянные жалобы на несправедливость до тех пор, пока, наконец, Потоцкий по ходатайству князя Барятинского не решился в 1809 году назначить профессора заведующим кафедрой.

Дюгур, образованный, остроумный мужчина, с глубокими историческими и политическими взглядами. Он смог бы достичь больших результатов в своей профессии, если бы у него в Харькове было бы достаточно исторических вспомогательных материалов. Общение с ним в Харькове было для меня самым интересным и поучительным. Мы жили в Харькове как самые преданные и образованные товарищи. Его опыты принесли ему огорчения и недовольства. От русских ничего, кроме как о вреде, не было сказано. Большинство из них считали его фальшивым, а иногда, как он говорил, подозревали его в угодливости по отношению ко мне. Но я не вижу ни малейшей реальной причины подозревать его в угодничестве и вел с ним непрерывающуюся дружественную и научную переписку во время отсутствия в Харькове.

12. Савиньи (Sauvigny)³⁹. Необразованный, незначительный адъютант, который должен был изучить латинский язык, который он не понимал.

Немецкими сотрудниками университета были:

13. Шад, известный монах, который сбежал из монастыря в Банце⁴⁰ и появился в Вене в качестве приват-доцента, преподавателя философии. Оттуда его пригласили в Харьков в качестве профессора умозрительной философии. Он не обладал ни методикой проведения лекции, ни знанием латинского языка. Но предметы, которые он изучает, заключаются в схоластической Фихтово-Шеллинговой бессмыслице, и поэтому бедная русская молодежь очень сожалела, что должна терять время на изучение таких безнравственностей. Предаваясь выпивке и грубейшему сладострастию, он в высшей степени ослаблял свой организм. Склонный к монастырским интригам, и при этом грубо, дерзко и без стеснения он позволял себе от каждого брать для своих целей стакан водки. Если кому-нибудь хотелось кого-нибудь оскорбить, а сам он при этом был слишком мелочным или слишком трусливым, то этого человека использовали как злую собаку, которую можно натравить, получая при этом наслаждение. Этот человек вызывал у меня такое презрение, что я не мог с ним перемолвиться ни одним словом, не испытывая при этом громадного отвращения.

14. Шнауберт⁴¹, профессор химии. Этот человек был аптекарем и еще очень молодым, когда он был приглашен в Харьков в качестве профессора. Гёте, который со своим отцом был известен в Йене,

думал, что он был бы очень хорошим профессором в Харькове и предложил его кандидатуру Потоцкому. Когда он пришел, Потоцкий испугался такой молодежи, поругался с ним и обиделся на Гёте, хотел даже отправить его обратно. Наконец, по истечении приблизительно двух лет он все-таки утвердил его ординарным профессором. – Господин Шнауберт полностью оправдал доверие, которое на него (!) возлагали. Благодаря прилежанию и усилиям он настолько усовершенствовался как в науке, так и в необходимых языковых познаниях, что с честью оправдал свое место. Он правильно и прекрасно преподавал химию на латинском языке и занимался дома научными опытами, многие из которых обещали большую практическую пользу. У него был мягкий, спокойный характер, и он жил, ни с кем не ссорясь, в полном уединении от остальных. Его целью было накопить для себя небольшое состояние и возвратиться вместе со своей женой и своим ребенком назад, в Германию. Так как он в свои 19 лет стал профессором, то он смог бы уже в раннем возрасте, в качестве заслуженного профессора, получить пенсию (после 25-летнего стажа). Однако, он посчитал, что провел слишком много времени в Харькове, и поэтому уже в 1811 году простился с этим городом, чтобы приумножить свой капитал в Москве путем инвестирования в аптеки или другие химические фабрики. Но, к сожалению, также и этому добродетельному человеку разорение Москвы в 1812 году не принесло счастья. Бедняга в результате пожара и мародёрства потерял все, что имел, вплоть до последней рубашки.

15. Гизе⁴², профессор технической химии. Он также изначально был аптекарем и с должности придворного аптекаря, которую занимал в Вене, пришел в качестве внештатного профессора в Харьков. Вся Германия знает прекрасные и очень содержательные произведения этого человека. Он мог бы стать украшением и гордостьюлюбого университета. Он сэнтузиазмом спонсировал свою науку, и, может быть, еще никогда 1 000 рублей не использовались настолько целесообразно, чем те, которые профессор Гизе ежегодно получал для химических экспериментов. Он как будто живет в своей лаборатории, и все, что он в ней делал, отражалось в его трудах. Господин Гизе был нашим повседневным другом дома, и показал яркий образец своей преданности мне и моей семье. В 1815 году он переехал в город Дерпт.

16. Пильгер, прежде капитан воинской службы в Дармштадте, затем профессор ветеринарной фармацевтики в Гизене⁴³. Он был приглашен в Харьков в 1806 году на последнюю профессорскую вакансию и пробыл лишь несколько месяцев до меня, тут же мы и встретились. Но он уже находился в полном разладе со своими коллегами. Сначала ему никто не мешал проводить практику. В результате его злого языка, с которым он набрасывался на других врачей, преимущественно на тамошнего инспектора медицинской коллегии, у него вскоре появились враги. И они лишали его права на практику, так как он не мог предъявить диплом доктора, а профессор ветеринарной медицины, как таковой, не имел права практиковать. Пильгер позволял себе использовать все виды оружия против врагов, а именно сатиру, оскорбительные высказывания, ходатайства своих пациентов, свидетельства своих доблестных трудов. Благодаря своему импозантному, дерзкому характеру и своему шарлатанству он притягивал к себе большую часть харьковской публики и в течение определенного времени как врач имел большое количество клиентов. И несмотря на то, что властью практика ему действительно была запрещена, тем не менее, он продолжал практиковать, а когда инспектор, наконец, запретил аптекарю оформлять его рецепты, то он выписывал препараты, предназначенные для людей, но при этом как бы для животных тех лиц, которых он хотел лечить. Так, например, на рецепте было написано «Для старой лошади господина Шидловского» (для дедушки Шидловского), для коровы Познанских, овцы, канарейки, ворон и т.п. Обычно указывался один член семьи, и харьковские благородные люди охотно воспринимали такой вид шутки, даже дамы считали такую остроту очень даже прелестной. При любом споре Пильгер проявлял себя очень легкомысленным и непонятным человеком. Он только смело утверждал, что ему в Эрлангене⁴⁴ присудили ученую степень доктора и обещал предъявить диплом. Каждый знал, что он лгал. Вскоре университет в Дерпте выдал ему диплом доктора медицины. Но, так как он выдал диплом без необходимого предшествующего экзамена, то он был отвергнут, посему министр внутренних дел принял решение в значительной степени ограничить право университетов выдавать разрешение на медицинскую практику. Пильгера каждый оскорблял за его необдуманнный поступок, даже его друзья, и он все более низкое положение занимал в глазах общественности, в результате

чего удивительно, что он, при множестве глупых выходов и правонарушений, все-таки сохранил свое место.

В остальном, Пильгер довольно ясно доказал, что у общества можно приобрести репутацию великого врача, не имея ни малейшего представления о медицине. Публика судит о вещах, которые сама не понимает, естественно, только по случайным особенностям. Некоторые удачно проведенные курсы лечения, которые происходят естественным путем, и успех которых приписывается шарлатану, самоуверенный обнадеживающий тон, дерзость, где другие оказываются боязливыми и опасными, наглое унижение других врачей. Такое поведение создало уже иному эмпирику репутацию великого врача. Пильгер обладал в высокой степени всеми этими свойствами шарлатана. Он никогда не изучал фармацевтику, а начинал в качестве солдата с лечения лошадей, многое читал одновременно для развлечения, создал теоретическую фармацевтику для животных и, наконец, перешел к практике на людях. Его гениальность, которой он действительно обладал, и еще большая степень самовлюбленности и наглости заставили его (!) рисковать, и он, таким образом, лечил и мучил все, что ему попадалось. 17. Ланг, адъюнкт политической экономии, самодовольный натурфилософ, который так же, как и все эти люди, выдавал за гениальность свой темный ум и пошлый инструмент за величайшее порождение человеческого разума, при этом имел коварный характер.

18-21. Господа Шмерфельд⁴⁵, Ванотти⁴⁶, Райниш⁴⁷, Райт⁴⁸, все без исключения адъюнкты, которые жили спокойно и благочестиво, и не вмешивались ни в какие дела.

Это был преподавательский состав Харьковского университета, который был дополнен моим братом, профессором Дрейсиггом (Dreyssig)⁴⁹, прибывшим в сентябре 1807 года. В дальнейшем присоединился профессор Гут⁵⁰ из Франции, известный ученый и превосходный собеседник, который своим веселым и радостным обращением помог нам скрасить наше пребывание в Харькове. По нашему прибытию в смятении мы встретились в университете. Дело Дюгура, выборы ректора и ряд других обстоятельств разделили всех на стороны, которые друг другу делали жизнь настолько тяжелой, насколько это было возможно.

Я пытался держаться подальше от всех этих действий. Но остаться в стороне было совершенно невозможно. Я должен был

появиться в совете, чтобы проголосовать. Здесь на каждом заседании рассматривались заявления и требования от профессора или же младшего чиновника. Часто встречались попытки до неприличия наглые и несправедливые выполнить чью-либо просьбу. Если кто-то голосовал против, как бы осторожно и умеренно это не происходило, он оскорблял тем самым человека и наживал себе врага. Если же человек, проголосовавший однажды против, сам однажды представлял с целесообразным предложением, которое могло бы послужить на благо всем, ему противодействовали все союзники оскорбленного лица, отклоняя все, что он хотел предложить. Как можно было иметь желание оставаться долго в этом обществе! Для меня, лично, это было достаточно терпимо. Меня единогласно избрали инспектором студентов, учащихся частично за счет государства, с 1808 – 1810, что ежегодно давало мне 400 рублей, квартиру и дрова. Также принимались мои предложение касательно библиотеки, издательства; я был назначен в качестве члена училищного комитета и нашел повод узнать о состоянии школ в харьковском регионе. У меня были хорошие отношения со всеми, кто проживал здесь, кроме того, все, что другие говорили обо мне, или же если они пытались плести интриги против меня, я отклонял, я выказывал свое презрение по отношению ко всем сплетникам, тем самым уберегая себя от того, что другие делали за моей спиной, и от вреда, который мне пытались причинить, если я узнавал об этом. Между тем, как-то раз я не смог помешать этому.

Однажды в совете я позволил себе высказаться о том, что следовало бы основательно улучшить улицы и часы, и так как ни город, ни университет не обладали средствами в достаточном количестве, что бы это осуществить; я предложил подать запрос императору и отправить то же самое министрам с просьбой максимально содействовать этому делу. Единогласно было принято решение об отправке данного запроса, составление которого было поручено мне. Об этом невинном деле было донесено губернатору в самой гнусной форме и абсолютно без моего ведома. Ему говорили, что в заявлении плетут интриги по отношению к нему, что императору хотят подать донос касаемо ужасного состояния улиц Харькова, что это было задумано против него, ибо чиновник отвечает за свое ведомство, а значит, жалоба о неудовлетворительном состоянии улиц является жалобой на него самого. Поэтому он был предупрежден анонимным

письмом, где сообщалось о том, что я отправил в совет предложение вынести данное обвинение; вполне возможно, за этим стояли не мои враги, которые лишь использовали меня в качестве инструмента в своих интригах против него.

Губернатор действительно забеспокоился по этому поводу, поэтому обратился к графу Потоцкому, который как раз к этому времени прибыл в Харьков. С его помощью была загублена идея улучшения улиц, а также Потоцкий сказал мне в дружеской форме, что мне не стоит быть причастным к каким-либо интригам против губернатора, потому что я и весь университет бессильны против такого человека. Граф также не знал сильного средства против интриг, или же он полагал, что кто-то другой не окажет на меня влияние? Таким образом, в стране, где каждый плетет интриги, невинный должен терпеть, что его принимают за интригана, а также по одному лишь подозрению выказывают посрамление. Таким образом, это могло считаться лицемерием и притворством, но ничем другим. Люди считают, что знают мир, и не могут представить, что где-то кто-то может быть иным, нежели в том мире, который они знают и видят ежедневно. Я хотел сказать, разъяснить графу, в чем заключался тот запрос, а также что невинные мои намеренья были совершенно безвредными. С улыбкой он мне сказал: «Мой друг, я не глупец, я знаю мир, поверьте мне на слово». И как можно доказать наличие честности в мире таким болванам?

Мне было чрезвычайно больно от того, что я предстал перед губернатором в таком свете, и он воспринял меня как врага. Этот человек беспрерывно рассматривал меня с особым вниманием. Я был очень высокого мнения о его честности. Для меня было весьма обидным, видеть в его взгляде, что я хотел ему навредить. Я не знаю, был ли он когда-нибудь убежден в том, что я не питал к нему ни малейшего враждебного намеренья. Я был так увлечен попытками убедить его в невинности моего поступка, что от чистого сердца написал ему письмо. Он не сказал мне ничего об этом при нашей следующей встрече, только следующее: «Вам, мой друг, нет необходимости извиняться передо мной, потому что у Вас нет никаких обязательств дружить со мной, и у меня нет права ожидать от Вас дружбы. Но то, что господин Рижский, господин Осиповский, которые являются моими старыми друзьями, ничего мне по этому поводу не сказали и то, что они не принялись за

мое дело, очень огорчило меня». – Человек окончательно поверил в интриги плетущиеся против него, что тут еще можно сказать. Я должен также отметить его характер, ведь после этого происшествия он не стал хуже ко мне относиться, а, напротив, выказывал даже больше уважения, чем раньше. Однако умение побеждать своих врагов вежливостью свойственно всем светским людям, так что мне не стоило придавать этому слишком большое значение, если только мне хотелось убедить самого себя, что у этого человека также доброе сердце. Как ни странно, но вскоре после этого были проведены масштабные работы по улучшению состояния улиц. На самых крупных улицах прокладывались тротуары из камня, в центре главные дороги устилались хворостом и посыпались песком и так далее. «Видите», умудренные опытом шептали мне на ухо, «как Вам помогает тот запрос? Из-за него губернатор заволновался и сделал то, что он должен был сделать давно, и для этого у него давно были деньги». – Действительно ли мой запрос так повлиял на губернатора? У меня нет ни единого доказательства этому, и не стоит расценивать эти слухи как достоверные. – Как они только не переворачивали все! Если упоминалось письмо, написанное мною абсолютно добровольно и по собственному желанию, то говорили, что извинения в нем были написаны с подачи куратора.

В еще одну неприятность я был впутан из-за служебной обязанности, возложенной на меня уставом университета. Дело в том, что адъюнкт Ланг очень хотел стать профессором, если не возглавляющим кафедру, то хотя бы внештатным. Он прибыл в Харьков в должности адъюнкта математики через Петербург из Фрайбурга-в-Брайсгау, где когда-то работал адвокатом, и считал, что может стать профессором сразу. Так как ранее он подавал документы на должность профессора истории, поэтому стал преследовать господина Дюгура, когда тот получил эту должность. Затем он захотел стать профессором государственной экономики и был невероятно зол оттого, что вызвали меня. Когда и это ему не удалось, он попытался стать профессором естественного и международного права. Но и на этом поприще он потерпел неудачу. Причины, обусловившие отказ на его заявление, были, однако, странными. Дело в том, что никто не додумался до того, чтобы проверить его ученость или хотя бы принять это во внимание при рассмотрении его заявления. Русские преимущественно не

задумывались над этим моментом. В мыслях у них при этом был лишь список очередности, состоящий из 14 рангов⁵¹. Согласно ему, адъюнкт, прежде чем занять должность ординарного профессора, т.е. возглавить кафедру, должен сначала стать экстраординарным, т.е. внештатным профессором, поэтому выполнение прошения адъюнкта Ланга об ординарной профессуре было недопустимо. Я также был против принятия заявления господина Ланга, но по абсолютно другим причинам. Я настаивал на том, чтобы господин Ланг прежде всего подтвердил свои притязания предоставлением документов, доказывающих его старательность и ученость. Поначалу господин Ланг тщательно обхаживал меня. Каждый праздничный день он предстал передо мной в униформе и, несмотря на мои неоднократные просьбы, продолжал церемонничать со мной, хотя я придаю этому мало значения и предпочитаю непринужденное общение; подхалимничал он при каждом удобном случае. Во время этих бесед мне никогда не удавалось найти такую тему, чтобы дать господину Лангу возможность показать свои таланты и знания. Что бы я ни сказал, вызывало у него дикий восторг, он был робок, застенчив, ужасно скромн, как пресмыкающийся подчиненный перед лицом начальствующим, так что я совершенно не знал, что с ним делать, и его визиты были чрезвычайно обременительны для меня. Очень скоро выяснилось, насколько неискренней была его скромность.

До этого министром в университет посылались преимущественно адъюнкты, которых даже с большой натяжкой нельзя было назвать учеными. Адъюнкт Васильев не умел читать на латыни, не знал ни единого иностранного языка; он не умел абсолютно ничего, кроме как немного рисовать, он руководил процессом строительства некоторых сельских домиков за городом. Также и Крюгер по уровню знаний скорее походил на учителя сельской школы, чем на преподавателя университета. Тут университет и испугался, что в будущем подобных субъектов станут посылать сразу на должности профессоров; так, по моему предложению было решено не нанимать и не избирать впредь ни адъюнктов, ни профессоров, не сдавших перед этим экзамен на степень доктора или не показавших себя как достойные ученые посредством написания научных работ или докладов в учебных заведениях. Вместе с тем все преподаватели университета, проявившие себя в официальных работах, однако

еще не имеющие докторской степени, были снабжены дипломами от своих факультетов. Этот декрет стал громом среди ясного неба для необразованных адъюнктов, и были запущены всевозможные механизмы, чтобы не допустить утверждения его куратором и министром. Адъюнкты возражали, говоря, что уже имеют причитающийся докторам ранг, что они выше докторов и поэтому не могут стать еще и докторами, что достаточным доказательством их учености является тот факт, что они были выбраны куратором и министром, и что университет оскорбляет этих людей и выражает неповиновение по отношению к вышестоящему начальству, намереваясь еще раз проверять назначенных им адъюнктов, и какие еще нелепые и злобные причины подобного рода они только не придумывали. Так как декрет стал яблоком раздора, я им более не занимался. Не похоже, чтобы он когда-нибудь был утвержден.

Когда господин Ланг понял, что стать сразу ординарным профессором ему не удастся, он обратился в университет с просьбой назначить его на должность экстраординарного профессора политической экономии или естественного и международного права. Он тут же издал научный труд по основам политической экономии и на основании этой работы предъявлял свои претензии. Университет потребовал моего мнения по поводу данного труда; я отказался от такой чести, объяснив это тем, что был очень благодарен тому, что мне была предоставлена честь вынести свое критическое мнение касательно работы другого преподавателя, однако это могло вызвать разлад и враждебность среди сотрудников университета. Работа же господина Ланга, на мой взгляд, вышла просто хуже некуда. – Из пустых предложений, взятых у Шеллинга, да еще и неправильно понятых, было состряпано нечто, что должно было содержать научные идеи по политической экономии. – Теория денег также была изначально дана в схоластических формулах и все было изображено настолько сухо и ужасно нелепо, что минуты, потраченные на чтение данной работы, казались мне вечностью. Вероятно, господин Ланг заметил, что я не питаю теплых чувств по отношению к его творению, и потому рвал и метал по поводу того, что я не захотел стать его панегиристом. Так как университет настаивал на том, что прежде чем будет решен вопрос о назначении его на должность профессора, он должен получить докторскую степень, господин Ланг обратился на факультет с довольно дерзким

официальным письмом, в котором указал условия, при которых должен проходить его экзамен (или коллоквиум, как он это называл), которое факультет ему благополучно возвратил. В ответ на что он тут же написал письмо ректору с обвинениями и оскорблениями в грубейшей форме, особенно в адрес меня и Тимковского, которых он отныне считал заклятыми своими врагами. После того, как он заявил о чудовищной несправедливости, которую мы учинили, не позволив ему сдавать экзамен на доктора на своих условиях, он отпустил низжайшие комментарии об уровне знаний и характере Тимковского; на мою долю также кое-что перепало. Сейчас уже и не упомнишь всего, в чем он меня обвинял; в голову приходит только, как он надменным тоном заявлял, что стоит на столь высокой ступени развития литературного слова, что мне, человеку, который так себе обучен краткому курсу письма, до него никак не дотянуться, и считал при этом, что я неспособен постичь ту глубокую мысль, которую он выразил в своем труде о политической экономии. Честнейший⁵² господин Шад, работник нашего факультета, на котором господин Ланг должен был получить докторскую степень, был подкуплен за настойку и потому объединился со своим другом, чтобы бороться за его дело с монашеским остроумием. – После моего увольнения из Харькова, этот господин Ланг получил должность экстраординарного, а затем вскоре и ординарного профессора политической экономии, заняв тем самым мое место. Он опубликовал некоторые работы, так что читатели могут сами оценить, слишком жестко ли я оценил его труд или нет.

Когда хотели избрать профессора естественного права, я выдвинул кандидатуру профессора Маасса (Maass)⁵³ из г. Галле. Этому человеку надоело жить под управлением нечестного вестфальского правительства, и он поведал мне о своем желании приехать в Харьков. Разве могло быть для меня что-то радостнее, чем мысль о том, чтобы во всем этом уединении жить в одном городе с моим старым коллегой и отличным другом. Однако в Харькове хотели видеть вместе с тем человека бывшего бы практикующим юристом, поэтому мое предложение не нашло отклика. Адъюнкт Ланг выразил смехотворный протест против назначения кого-либо на эту должность в принципе, так как он обладал ловкостью и умением, то эта должность должна быть сохранена для него. Насколько пылким и насколько предвзятым был разум профессоров, что некоторые

из них считали протесты господина Ланга справедливыми и обоснованными.

На этих примерах хорошо видно, насколько отвратительной была жизнь подобного рода людей и как трудно было найти силы, чтобы сделать для университета что-то хорошее.

¹ По Уставу 1804 г. (параграф 34) адъюнкты считались «помощниками профессора», их задачей было принимать участие во всех «практических трудах профессоров». Должность ординарного профессора предполагала, что ее обладатель возглавляет кафедру, т.е. преподает основные курсы определенной направленности. По тексту внештатный профессор, т.е. экстраординарный – преподающий дополнительные дисциплины.

² Здесь и в ряде случаев далее в скобках указана фамилия упомянутого лица в том варианте, как это дается в немецком издании. Ясно, что в данном случае речь идет о Яковкине Илье Федоровиче (1764 – 1836) – профессоре российской истории, географии и статистики в Казанском университете, «профессоре-директоре» до торжественного открытия университета в 1814 г. Как отмечается в историографии, Яковкин отличался стремлением к самовластию и интриганством.

³ Горн Иоганнес (1779 – ?). В 1804 г. избран ординарным профессором по кафедре исторического богословия Дерптского университета. С 1805 г. декан богословского факультета. В г. подал прошение об отставке. Уволился из-за 4-летней распри с ректором Мейером.

⁴ В период наиболее активного приглашения Министерством народного просвещения профессоров из-за границы (1803–1811) кафедры в Московском, Харьковском и Казанском университетах заняли 60 иностранных ученых (из них 46 немцев). Состав иностранных профессоров Харьковского университета был наиболее пестрым в этническом отношении в сравнении с другими университетами Российской империи. Более подробные биографии иностранных профессоров прибывших в Россию и, в том числе, в Харьковский университет см. в кн.: Иностранные профессора российских университетов (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.): Биографический словарь. М., 2011.

⁵ Потоцкий Северин Осипович (1762 - 1829) – первый попечитель Харьковского учебного округа. В либеральной дореволюционной историографии о нем писали так: «просвещенный попечитель первого десятилетия граф С. О. Потоцкий, которому Харьковский университет в значительной степени обязан своими успехами» (Багалей Д. И., Миллер Д. П. Харьковский университет // Д. И. Багалей, Д. П. Миллер // Энциклопедический словарь – СПб., 1903. – Т. 37. – С. 105). М. И. Сухомлинов прямо называл Потоцкого «идеальным попечителем» (Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению / М. И. Сухомлинов – СПб., 1889. – Т. 1. – С. 24, 25. Можно утверждать, что историки того времени конструировали образ, который в значительной мере соответствовал настроениям либеральной профессуры того же конца XIX в. Характерной является следующая цитата из работы Д. И. Багалей: «он [Потоцкий] только внимательно следил за органами управления, чтобы они не отступали от устава, разрешал недоразумения, давая советы, но не стараясь вмешиваться в мелочи университетской жизни, суживать университетскую автономию» (Багалей Д. И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). – Ч.2. // Багалей Д. И. Вибрані праці: в 6 т. – Х., 2005. – Т. 4. – С. 39). Вместе с тем, и сегодня нельзя отрицать того факта, что С.О. Потоцкий приложил немало усилий для приглашения в Харьков иностранных профессоров, сбора средств на университет, создания университетских кабинетов, ботанического сада и др. На фасаде здания библиотеки (ул. Университетская, 23) установлена мемориальная доска в его честь.

⁶ Потоцкий Ян (польск. Jan Nepomucen Potocki; 1761 - 1815 – старший брат С.О. Потоцкого, писатель-романтик, археолог, путешественник. В 1795 году в своей книге «Историко-географические фрагменты о Скифии, Сарматии и славянах» высказал мысль о том, что украинцы - особый народ, существенно отличающийся от русского.

⁷ Наверное, речь идет о Х. Роммеле.

⁸ Вероятно, речь идет о Б. Рейте или А. Дюгуре.

⁹ Вольф Фридрих Август (Friedrich August Wolf; 1759 - 1824) – немецкий исследователь античности и филолог-классик, профессор в Галле.

¹⁰ Тимковский Илья Федорович (1772 или 1773 – 1853) – правовед. В 1781 поступил в Переяславскую семинарию, в 1785 – в Киево-Могилянскую академию. В 1789 поступил в Московский университет, в котором учился на филос. и юрид. ф-тах (до 1797). В июне 1803 переехал в Харьков, где принял активное участие в организации нового университета. В Харьковском университете читал гражданское, уголовное, общее и частное российское право. В 1805 Московский университет удостоил его степени доктора обоих прав *honoris causa*, а в 1807 Харьковский университет – доктора философии. В 1811 г. уволен из Харьковского университета по прошению и поселился в имении в Черниговской губернии. Принимал участие в Отечественной войне 1812 года в составе ополчения. В 1815 - 1821 уездный судья города Глухова. В 1825 г. назначен директором Новгород-Северской гимназии, в которой прослужил до 1838 г.

¹¹ Шад Иоганн (Иван Егорович, *Schad Johannes Baptista*; 1758 – 1834 – теолог, философ. Родился в католической крестьянской семье, получил религиозное воспитание. В 1768 г. был отдан в бенедиктинский монастырь в Банце, с 1772 г. учился в иезуитской семинарии в Бамберге, в 1778 г. принял монашество в монастыре в Банце. После публикации работы «Жизнь и судьба почтенного отца Синцеруса», в которой содержалась едкая сатира на монахов, вынужден был бежать из монастыря и принять протестантство. В Иенском университете при поддержке И. Фихте получил степень доктора философии без экзамена, защитил диссертацию «*De nexu philosophiae theoreticae cum practica*» и с 1799 г. до 1804 г. читал философию, издал ряд философских трудов. В феврале 1804 г. по рекомендации И. В. Гете и Ф. Шиллера получил приглашение занять должность профессора теоретической и практической философии в Харьковском университете. За вольнодумство, в конце 1816 г., Комитет министров постановил отстранить его от должности, сжечь его крамольные работы и выслать за границы империи в 24 часа за его счет и в сопровождении полиции. Сегодня эту историю называют наиболее мифологизированной. Вообще, количество литературы о жизни и деятельности Шада значительно. В настоящий момент даже появилось такое понятие как «шадоведение». Впрочем, начало этой линии заложил сам И. Шад, издав трехтомную историю своей жизни. В дореволюционный период господствовал тезис либеральной публицистики и историографии о Шаде как «поборнике свободы», который стал жертвой правительственной реакции (См.: Багалей Д.И. Удаление профессора Шада из Харьковского университета // Записки

Харьковского университета. – 1899. – Кн. 1 – 2). В советское время акцент был сделан на «прогрессивности философии» Шада, который «сам того не понимая, был подсознательным материалистом» и «пал в борьбе с реакцией» (см.: Кравец И.Н. Иоганн Шад – профессор философии Харьковского университета начала XIX века // *Философские науки*. – 1960. – №4. – С. 158). Современные исследователи подчеркивают, что Россия не поняла Шада, а Шад отказался понять Россию (Панибратцев А.В. Взлет и падение И.Б. Шада, или о превратностях судьбы одного немецкого фихтеанца на русской службе // *История философии*. – 2000. – №4. – С. 48). Вернувшись в Германию, Шад отошел от научной работы. Как философ эволюционировал от учения И. Фихте к теории Ф. Шеллинга.

¹² Гейне Христиан Готлиб (Christian Gottlob Heyne; 1728 – 1812) – филолог, археолог, адвокат. Профессор и библиотекарь Геттингенского университета. Исследовал спорные вопросы античной мифологии и истории. Почетный член Харьковского университета с 1807 г. Очевидно, Л. Якоб намекает на преклонный возраст ученого на момент его приглашения в Харьков.

¹³ Установить личность не удалось.

¹⁴ Белен-де-Баллю Яков (Яков Яковлевич, Bellen de Ballu Jacques Nicolas; 1753 – 1815) – филолог. В 1803 г. по приглашению попечителя Петербургского учебного округа Н. Н. Новосильцева, который временно также управлял и Харьковским учебным округом, приехал в Россию и 4 декабря был назначен профессором греческого, латинского и французского языка Харьковского университета. В декабре 1807 г. совет Харьковского университета присвоил ему степень доктора философии *honoris causa*. В 1808 и 1809 гг. избирался деканом словесного отделения Харьковского университета. В 1811 г. оставил Харьковский университет и стал ординарным профессором греческого языка и словесности Петербургского педагогического института.

¹⁵ Роммель Кристоф (Христофор Филиппович, Rommel Dietrich Christoph, с 1828 – von Rommel; 1781 – 1859) – филолог, этнограф. В 1799 г. поступил в Марбургский университет, в 1800 г. перешел в Геттингенский университет. Получив докторскую степень, начал преподавательскую деятельность в качестве приват-доцента в Геттингене, в 1804 г. был утвержден экстраординарным, а в 1805 г. – ординарным профессором по кафедре красноречия и греческого языка в Марбургском университете. В 1808 г. в условиях наполеоновских войн,

когда часть немецких университетов оказалась под угрозой закрытия, принял повторное предложение российского правительства занять кафедру древней литературы в Харьковском университете. В 1814 г. покинул Россию и вернулся на родину, где занял кафедру истории в Марбургском университете. Оставил записки автобиографического характера, которые, среди прочего, содержат немало сведений о харьковском периоде его жизни (Роммель К.-Д. Спогади про моє життя та мій час. – Х., 2001).

¹⁶ Пильгер Мартин (Федор Васильевич, Pilger Martin-Heinrich; 1760 / по другим данным 1761 – 1828 / по другим данным 1838) – медик, ветеринар. Обучался в Гессенском и Эрлангенском университетах, в течение шести лет совершенствовал свои знания в Берлине, Майнце, Вецларе, Марбурге. Анализируя анатомические особенности строения организмов, первым из врачей Германии применил сравнительный метод изучения болезней людей и животных. В 1801 г. был назначен ветеринарным врачом в Гессенское ландграфство и преподавателем ветеринарии в Гессенском университете. 14 сентября 1805 г. по рекомендации И. В. Гете как лицо, «известное своей ученостью», был избран профессором скотолечения в Харьковском университете, 2 мая 1806 г. был утвержден в этой должности. Т.к. до 1811 г. лекции на медицинском факультете практически не читались из-за недостатка слушателей, то он сосредоточился на научной работе и врачебной практике. В 1817 г. основал на собственные средства первый в Восточной Европе ветеринарный журнал «Украинский домовод». В 1823 г. вынужден был оставить университет из-за болезни.

¹⁷ Осиповский Тимофей Фёдорович (1766 - 1832) – математик и философ-рационалист. Родился в семье сельского священника. Учился во Владимирской семинарии. В 1783 г. Переведен в Учительскую гимназию в Петербурге (позже – Педагогический институт). С 1786 г. преподавал в Главном народном училище в Москве. В 1800 – 1803 гг. Профессор физико-математических наук в Петербургском педагогическом институте. В конце 1802 г. от имени попечителя С.О. Потоцкого В.Н. Каразин предложил занять ему кафедру прикладной математики в Харьковском университете. В 1813 – 1820 гг. – ректор университета. Учитель М. В. Остроградского.

¹⁸ Шумлянский Павел Михайлович (1754 – 1821) – медик. Из дворян. Окончил Киевскую духовную академию. Через некоторое время поступил в Петербургский сухопутный госпиталь для изучения медицины. В 1779 г. произведен в лекаря, в 1789 г. защитил диссертацию на степень доктора. С. 1795 г. профессор Московской медико-хирургической академии. С

1805 г. профессор хирургии Харьковского университета. С. 1807 г. декан факультета.

¹⁹ Рижский Иван Степанович (1759 – 1811) – филолог. Родился в семье священника в Риге. Образование получил в Псковской и Троице-Сергиевой семинариях. С 1786 г. преподаватель Горного училища. В 1803 г. по рекомендации попечителя С.О. Потоцкого и В.Н. Каразина назначен профессором российской словесности и красноречия Харьковского университета. Первый ректор университета.

²⁰ Васильев Евгений Алексеевич (1779 – 1833) – архитектор университета. В 1786 – 1793 гг. обучался в Петербургском горном училище под руководством Д. Кваренги и Порто. С 1803 г. адъюнкт университета, с 1817 г. экстраординарный профессор. Автор проектов и руководитель строительства многочисленных зданий г. Харькова.

²¹ Каразин Василий Назарович (30.01.1773 – 04.11.1842) – просветитель, ученый, общественный деятель. Образование получил в частных пансионах Кременчуга и Харькова, посещал лекции в Горном институте в Петербурге. Выступил с инициативой основания университета в г. Харькове, участвовал в подготовительных работах по его устройству. В 1804 г. был отстранен от университетских дел. Занимался исследованиями в своем имении в с. Кручик. Почетный член Московского и Харьковского университетов. Его именем назван нынешний Харьковский национальный университет.

²² Крюгер Мануил Иванович (1781 - ?). 1803 - адъюнкт химии. Преподавал химию в Горном училище (Горном кадетском корпусе) в 1801-1804 гг. Заведующий Минералогическим кабинетом Харьковского университета (1809-1811). Читал минералогию и некоторые отделы физики. Вышел в отставку в 1811 г.

²³ Стойкович Афанасий (Афанасий Иванович, Стојковић Атанасије) (1773 – 1832) – физик. Образование получил в Эдинбургской, Сегединской и Прессбургской академиях высших наук, в дальнейшем (в 1797 – 1799 гг.) слушал лекции в Геттингенском университете. В 1799 г. в Тюбингенском университете получил степень доктора свободных наук и философии. В 1803 г. попечителем Харьковского учебного округа графом С. О. Потоцким был приглашен в Харьковский университет в качестве профессора физики. Вместе с В. Н. Каразиным принял активное участие в организации университета, в частности, создании его физического кабинета, которым затем и заведовал. С момента открытия Харьковского университета и до увольнения читал теоретическую и

экспериментальную физику, метеорологию, а в 1806 – 1807 гг. – сельское домоводство. С 1805 по 1809 г. с некоторым перерывом – декан отделения физических и математических наук философского факультета, с 1804 г. по 1810 г. (с перерывом) – секретарь Совета, с 1805 г. и до 1813 г. – член училищного комитета при Харьковском университете. Дважды избирался ректором университета (1807 – 1808, 1811 – 1813). В 1813 г. по обвинению в незаконных коммерческих операциях уволен из университета. В 1815 г. С. подал прошение о пересмотре дела, однако, оно было отклонено. После своей отставки переехал в Санкт-Петербург, где служил в различных ведомствах. С 1809 г. член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук.

²⁴ Очевидно, речь идет о втором избрании А. Стойковича. Первый раз Стойкович стал ректором в 1807 г. Тогда при голосовании на должность ректора проф. Стойкович и проф. Шумлянский получили одинаковое количество голосов. Попечитель С.О. Потоцкий отдал предпочтение Стойковичу и в своем письме министру об этом написал: написал следующее: «Я со своей стороны предпочтительно желаю, чтобы сие место занимал русский, как знающий язык и обыкновения страны. Но проф. Стойкович, будучи родом из карпатороссов, легко мог научиться и успел в российском языке и имел довольно времени познать обыкновение той страны; он может почестся почти русским. ...к тому же будут отвращены разные толки, могущие произойти со стороны иностранных профессоров, если ректорское достоинство оставаться будет всегда между одними русскими». А. Стойкович второй раз был избран ректором на трехлетний срок после неожиданной смерти ректора И.С. Рижского в 1811 г. Предложение А. Стойковича увеличить срок его пребывания на ректорской должности с одного года до трех лет вряд ли можно поставить ему в вину, как это делал Д.И. Багaley, учитывая, что эта идея не только была в то время уже сформулирована в министерстве, но и реализована на практике в Московском университете с 1809 г. Это была первая поправка в университетский устав 1804 г.

²⁵ Коритары (Корритари) Георг (Георгий Георгиевич, Korritari Georg) (? – 1810) – медик, фармаколог, окулист. Родился в Венгрии. В 1795 – 1798 гг. слушал лекции в Иенском университете, затем совершенствовал свои знания в Лейпциге, Галле и т.д. В 1801 г. получил в г. Пеште звание доктора медицины и магистра окулистики, однако занять место штатного профессора окулистики ему помешало иудейское вероисповедание. Занимался врачебной практикой. Был почетным членом Иенского общества испытателей природы и Иенского минералогического

общества. 14 сентября 1805 г. был избран профессором кафедры врачебного веществословия, фармации и врачебной словесности Харьковского университета. В Харьков прибыл в 1806 г., но в связи с отсутствием студентов-медиков систематических занятий не проводил. Читал отдельные лекции по фармакологии и истории медицины. Умер в Харькове.

²⁶ До Великой французской революции в стране существовало пять самостоятельных академий: Французская, надписей и медалей, естественных наук, живописи и скульптуры, архитектуры. Они были упразднены Национальным конвентом в 1793 г. Национальный институт наук и искусств был учреждён в соответствии со статьёй 298 Конституции Франции от 22 августа 1795 г. Законодательным актом от 25 октября 1795 года (считается датой основания Института Франции) было создано три класса (отделения): физики и математики, моральных и политических наук, литературы и искусств.

²⁷ Уваров Сергей Семенович (1786 – 1855) – граф, государственный деятель. Службу начал в 1801 г. в коллегии иностранных дел, в 1806 г. был отправлен к русскому посольству в Вену, а в 1809 г. назначен секретарем посольства в Париже. В 1810 г. Уваров оставил дипломатическую службу. В 1811 г. был назначен попечителем С.-Петербургского учебного округа и оставался в этой должности до 1822 г., когда стал директором департамента мануфактур и внутренней торговли. В 1818 – 1855 гг. Президент Петербургской АН, с 1832 г. товарищ министра, с 1833 по 1849 г. министр народного образования. Автор работ по древнегреческой литературе и археологии. Почетный член Харьковского университета.

²⁸ Петербургский педагогический институт был создан в 1804 г. на базе Учительской гимназии (основанной в 1803 году на основе Учительской семинарии, учреждённой в 1786 г. для подготовки учителей в главные народные училища). В 1816 г. стал называться Главный педагогический институт. В 1819 г. был преобразован в Санкт-Петербургский университет, но, в 1828 г., был восстановлен и вновь принял студентов.

²⁹ Делавинь (Деявинь) Франц (Франц Александрович, de Lavigne François Ghislain) (около 1767 – 1826) – ботаник, зоолог, медик. В молодости переселился из Франции в Германию. В течение 6 лет изучал медицину и естественные науки в Вюрцбургском и Эрлангенском университетах. В 1799 г. получил в Эрлангене степень доктора медицины,

затем некоторое время слушал лекции в Геттингенском университете. 7 февраля 1803 г. поступил на службу профессором естественной истории и ботаники в Харьковский университет, и 8 июня 1803 г. в числе первых профессоров прибыл в Харьков. Преподавал ботанику и зоологию. В 1807, 1810 – 1811, 1813, 1816 – 1819 гг. был деканом отделения физических и математических наук. Успешно занимался медицинской практикой, преподавал в женском пансионе своей супруги, который считался лучшим в Харькове. Умер в Харькове.

³⁰ Дюгур (Дегуров/Дюгуров Антон Антонович, Dugour Jeudy; 1765 или 1766 – 10.05.1849) – историк. Во Франции состоял в должности профессора изящной словесности в королевском коллегіуме Де ля Флеш и профессора истории в Парижской центральной школе, получил известность как автор ряда сочинений по истории, географии и риторике. По свидетельству профессора И. Шада, в годы Великой французской революции был книгопродавцем-издателем в Париже и принимал участие в политических событиях своего времени, в частности «был некогда секретарем Робеспьера». Покинув Францию, 6 лет провел в Англии, где занимался сельским хозяйством, политической экономией и медициной. В 1806 г. в качестве воспитателя был вывезен князем Барятинским в Россию. Жил в имении Барятинского в с. Ивановское Курской губернии. В письме к попечителю Харьковского учебного округа выразил желание занять кафедру всеобщей истории или сельского хозяйства в Харьковском университете. 1 ноября 1806 г. совет Харьковского университета избрал Д. профессором всемирной истории, географии и статистики. В 1810 – 1812 гг. состоял деканом отделения словесных наук. С именем Дегурова связан целый ряд различных историй, самая известная из которых – удаление из университета профессора И. Шада. В 1816 г. после представления «некоторых проектов по части государственных финансов» Д. был вызван в Петербург, где занял должность профессора французской словесности в Главном педагогическом институте. Вскоре при поддержке попечителя учебного округа Д. П. Рунича стал профессором французской словесности Петербургского университета, где сыграл решающую роль в удалении профессора всеобщей истории Э.-В.-С. Раупаха и других либерально настроенных профессоров. Д. занял кафедру всеобщей истории, некоторое время был деканом историко-филологического факультета, в 1825 – 1836 гг. – ректором Петербургского университета. Принял российское подданство, а также, стремясь дать своему имени «русское словоокончание и правописание», испросил Высочайшее разрешение именоваться Дюгуровым или Дегуровым.

³¹ Барятинский Иван Иванович (1772 - 1825) – князь, государственный деятель, землевладелец. Известный в своё время англоман и агроном. Единственный наследник своего отца, знаменитого дипломата И. С. Барятинского. В 1806 - 1812 гг. российский посол при дворе короля Баварии в Мюнхене. Отозван в 1812 г., после чего оставил службу и поселился в своём курском имении (с. Ивановском) – центре его обширных владений (в Курской и Харьковской губерниях у него было более 20 тыс. душ). Посвятил всю свою последующую жизнь устройству имений и применению на практике приобретённых им во время заграничных путешествий агрономических познаний.

³² Умляуф Леопольд (Леопольд Адамович, Umlauf Leopold; 1758 – 23.01.1807) – филолог. Учился в Эрфуртском, а затем Венском университетах. Получив степень доктора свободных наук и философии, в 1784 г. занял должность экстраординарного профессора немецкой литературы в Лембергском (Львовском) университете. В 1803 г. был приглашен попечителем Харьковского учебного округа С. О. Потоцким на должность профессора латинской словесности и эстетики Харьковского университета. 18 января 1805 г. был избран первым деканом словесного отделения. Заболев «нервной горячкой», во время одного из приступов нанес себе несколько ножевых ранений в грудь, а затем отказался принимать пищу и лекарства и умер от истощения. На вопрос о причине покушения на самоубийство раненый произнес одну фразу по-немецки: «Я несчастен, но невиновен».

³³ Остров Вайт (Уайт; англ. Isle of Wight) – островная территория на юге Великобритании.

³⁴ Ланг Иосиф (Осип Матвеевич, Lang Ioseph; 1775 / по другим данным 1776 – 1820) – математик, экономист. В 1784 г. поступил в гимназию во Фрейбурге. Окончил Фрейбургский университет (1793 – 1798 гг.) по специальности философия и право. В 1803 г. перешел в Харьковский университет адъюнктом философских и математических наук. В первые годы после открытия университета читал ряд философских дисциплин на этико-политическом отделении. Л. считают одним из предшественников математического направления в политэкономии. В этих работах Л. развил идеи Ф. Кенэ, разработав то, что сегодня называется общеэкономическим финансовым расчетом: народное хозяйство, состоящее из трех секторов (в одном случае он выделил «сельское хозяйство», «мануфактуру» и «деньги», в другом – «сельхозпроизводителей», «промышленность и ремесленное производство с промышленным классом» и «государство с классом

служащих») он подверг формальному анализу с помощью простой системы линейных уравнений и проиллюстрировал числовыми примерами. 26 августа 1819 г. за самовольную отлучку из Харькова в Санкт-Петербург был «уволен из ведомства университета без аттестата». Умер по дороге из Харькова в Санкт-Петербург.

³⁵ Кемберли (Гамперле Иван Францевич). Родился в Праге. Окончил курс Пражского Главного училища, получил степень доктора общего права и в 1796 г. стал "стряпчим Богемского королевства". В Харьковский университет приглашен попечителем С. О. Потоцким. Адъюнкт по кафедре политических наук и государственной экономики с 8 октября 1803 г. В 1806 г. подал два доноса на профессора Дюгура. Последний был оправдан, а К. был в 1807 г. удален из университета и выехал из России.

³⁶ С 1803 по 1814 г. слободско-украинским губернатором был Иван Иванович Бахтин (1756 – 1818).

³⁷ В качестве наказания в отношении четы Белен-де-Баллю министр народного просвещения граф П. В. Завадовский предписал «сделать от Университета строгой выговор с подтверждением, чтобы впредь воздержались от непристойных разговоров». В ходе дальнейшей переписки попечителя Харьковского учебного округа С. О. Потоцкого с министром о целесообразности занесения выговора в послужной список Белен-де-Баллю прозвучало утверждение, что в этом деле «вся вина относится единственно до жены профессора де Баллю». См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 596 По доносу адъюнкта Харьковского университета Камперли на проживающего в Харькове француза Дюгура, относительно до политических видов его. Л. 16 об.; *Иващенко В. Ю.* Проблемы европеизации частного быта: семейные отношения и домохозяйство в профессорской среде Харькова в начале XIX в. // *Адам и Ева.* 2011. № 19.

³⁸ См. справку о Л. Умляуфе.

³⁹ Паки-де-Совиньи Николай (Николай Николаевич, Raquis de Sauvigny; 1769 – 1834) – филолог. Окончил курс наук в Нанси, получив там степень доктора философии. 1 октября 1803 г. по приглашению графа С. О. Потоцкого поступил на российскую службу в должности адъюнкта философии и французской словесности Харьковского университета. В 1812 г. был утвержден в звании экстраординарного профессора латинской словесности, в 1813 г. получил степень доктора философии, однако укрепиться в роли самостоятельного профессора ему так и не удалось. Недостаточная научная подготовка, отсутствие педагогического

таланта, незнание русского языка и чудаковатые манеры сделали его объектом насмешек многих поколений харьковских студентов. Умер в Харькове.

⁴⁰ Банц (Banz) — старейший и богатейший монастырь Верхней Франконии, в 1803 г. секуляризованный и обращённый в резиденцию младшей линии Виттельсбахов.

⁴¹ Шнауберт Людвиг (Иван Андреевич, Schnaubert Ludwig; (1782 – ?) – химик. Обучался в Эрфурте, степень доктора получил в Иенском университете в 1803 г. 1 февраля 1804 г. по рекомендации И. Гете и приглашению попечителя Харьковского учебного округа С. О. Потоцкого был назначен профессором Харьковского университета. Преподавал химию. Много сделал для изучения местного края. 6 октября 1811 г. был уволен по прошению. Выехал в Москву

⁴² Гизе Фердинанд (Федор Иванович, Йоганн Эмануил Фердинанд, Giese Johann Emanuel Ferdinand; 1781 – 1821) – химик и фармацевт. Непродолжительное время работал на химической фабрике Динглера в Аугсбурге, в 1802 г. занимал должность придворного чиновника – помощника при Императорской аптеке в Вене. В 1803 г. получил приглашение занять место в учреждающемся Харьковском университете, куда был определен адъюнктом в январе 1804 г. Накануне отъезда в Россию защитил в Эрфурте диссертацию на степень доктора философии. В июле 1805 г. был утвержден экстраординарным профессором химии Харьковского университета, в апреле 1811 г. – ординарным профессором фармацеи и технической химии. Основал химическую лабораторию. В октябре 1814 г. был переведен ординарным профессором кафедры химии и фармацеи в Дерптский университет, где работал до конца жизни.

⁴³ Гизен (Giesen) – немецкий город в земле Нижняя Саксония.

⁴⁴ Эрлангенский университет был основан герцогом Фридрихом Бранденбург-Байройтским в 1742 году в Байройте, а в 1743 году переведен в Эрланген (город в земле Бавария).

⁴⁵ Шмерфельд Иоганн Даниэль (Даниил Иванович, Schmerfeld Johannes; 1774 – 1811) – выпускник Марбургского университета, до переезда в Россию служил в Гессенском казначействе. Адъюнкт по кафедре технологии и наук относящихся к торговле и фабрикам отделения физических и математических наук Харьковского университета в 1804 – 1811 гг.

⁴⁶ Ванотти Людвиг (Людвиг Осипович /Иосифович, Wannoti Alois Ludwig; 1771 – 1819) – медик-энциклопедист, анатом. Закончил Фрейбургский университет, где в 1798 г. получил степень доктора медицины. В 1805 г. был приглашен адъюнктом и прозектором анатомии в Харьковский университет, куда прибыл 29 мая 1805 г. В 1805 – 1807 гг. В. читал энциклопедию медицины учащимся Харьковского коллегіума и антропологию студентам физико-математического факультета, в 1806 г. исполнял обязанности суббиблиотекаря, с 1806 г. по 1813 г. был секретарем отделения врачебных наук. С появлением студентов-медиков и до 1811 г. преподавал анатомию, физиологию, судебную медицину и другие предметы. В 1810 г. получил кафедру фармакологии, рецептуры и истории медицины, в 1811 г. был назначен экстраординарным, а в 1812 г. – ординарным профессором. С 1816 г. по 1818 г. заведовал фармацевтической лабораторией.

⁴⁷ Рейниш Антон Григорьевич (1769 или 1770 – 1811). Обучался словесным наукам в Нугебурге, затем в Дилингенском университете. В 1806 г. по рекомендации попечителя С.О. Потоцкого избран адъюнктом истории и географии.

⁴⁸ Рейт Бернгард (Бернгард Осипович, Reit Bernhard; 1762, по другим данным 1770 – 23.12.1824) – юрист. Начальное образование получил в Майнце, после чего продолжил обучение в Иене, Лейпциге и Геттингене, получил докторскую степень в Кенигсберге. В 1804 г. получил приглашение попечителя Харьковского учебного округа С. О. Потоцкого занять должность лектора истории европейских государств и статистики. В 1809 г. был избран адъюнктом по кафедре права естественного, политического и народного, в 1811 г. – экстраординарным, а в 1814 г. – ординарным профессором. Читал на латинском языке курсы политической истории европейских государств, российской истории, статистики и географии, истории прав новых народов, естественного, государственного и народного права, политэкономии, дипломатики, нумизматики, в приготовительном классе университета – немецкий язык и словесность. В 1815–1822 гг. Рейт был деканом этико-политического отделения. Из трудов харьковского периода наиболее интересным является опыт политической истории древней Руси «Specimen historiae imperii Rossorum. Pars prior» (Харьков, 1811) как одна из первых попыток «ученого изложения русской истории с университетской кафедры», основанная, прежде всего, на иностранных источниках.

⁴⁹ Дрейсиг Вильгельм (Василий Федорович; Dreissig Wilhelm Friedrich; (1770 – 1819) – медик. Родился в семье директора соляного завода. В 1787 г. поступил на медицинский факультет университета в Галле, после его окончания некоторое время практиковался в клиническом институте университета и больницах. В 1793 г. защитил в Эрфурте диссертацию и получил степень доктора медицины. В течение 6 лет занимался врачебной практикой. В феврале 1807 г. был утвержден профессором терапии и клиники Харьковского университета. Приехав в Харьков, кафедру получил не сразу, и до 1814 г. занимался частной практикой, пользуясь, несмотря на плохое знание русского языка, популярностью. В 1811 г. был избран деканом отделения врачебных наук, но отказался от должности; возглавлял факультет в 1813 – 1815 гг. Был первым директором терапевтического отделения клиники, устроенной в 1814 г. в одном из флигелей университета.

⁵⁰ Гут Йоган (Иван Иванович, Йоган Сигизмунд – Симон Готфрид, Nuth Johann Siemon Gottfrid Sigismund; 1763 – 1818) – астроном. Доктор философии. В 1808 г. был утвержден профессором прикладной математики Харьковского университета. Преподавал астрономию, начал астрономические наблюдения при помощи специальных приборов, которые он привез с собой. Первый директор астрономического кабинета и астрономической обсерватории Харьковского университета. В 1811 – 1818 гг. – профессор Дерптского университета. Преподавал дополнительно к математическим дисциплинам элементы высшей геометрии и геометрии черчения.

⁵¹ Преподаватели в российских университетах числись на государственной службе, и их должности соответствовали классным чинам, установленным Табелью о рангах.

⁵² Это слово явно используется в данном случае в саркастическом смысле.

⁵³ Маас Иоганн Гебхард Эренрейх (Johann Gebhard Ehrenreich Maaf; (1766 – 1823) – философ. Профессор в Галле, критик теоретической и сторонник практической философии Канта.